

МАРГАРИТА БЛИНОВА

РЫЖАЯ
И КАКТУС ВОЗМЕЗДИЯ

Маргарита Блинова

Рыжая и кактус возмездия

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69247201

Аннотация

Маргарита Блинова – молодая писательница, автор произведений в стиле молодёжного юмористического и романтического фэнтези. Представляем её роман «Рыжая и кактус возмездия».

Фелисити работала в книжном магазине своего дедушки и много читала о приключениях. Могла ли она подумать, что однажды, с приходом в магазин таинственного незнакомца, сама окажется в круговороте опасных приключений, станет участницей преступной команды ради спасения дедушкиного дела и ввяжется в рискованную авантюру? Едва ли. Но это произошло, и теперь пути назад нет. Главное, сохранить себя в новых обстоятельствах. Читайте увлекательную историю!

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Две недели назад	13
Глава вторая. Улица Великих домов	24
Глава третья. О подставах и законниках	35
Глава четвертая. Маскарад в участке	45
Глава пятая. Облака в кетчупе	57
Глава шестая. Мастер Масок	68
Глава седьмая. Экскурсия по городу	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Маргарита Блинова

Рыжая и кактус возмездия

*** * ***

Пролог

За минувшие две недели природа устроила настоящее шоу одного погодного явления. В показе мелькнули все возможные вариации осадков: дождь с солнцем, дождь с ветром, дождь с градом. Косой и вертикальный дождь. Мелкая морось и грибной дождь. А сегодня вот гвоздь программы – дождь стенами!

То ли на Звездную империю надвигалось глобальное потепление, то ли у какого-то крайне везучего человека на эти дни выпал долгожданный отпуск.

– Не осень, а трындец какой-то! – ругалась я сквозь зубы, пока внутренний навигатор терял веру в то, что сумеет проложить маршрут среди луж и предлагал идти в обход.

Но Фелисити Локвуд не создана для обходов.

Точнее, вообще-то, я очень спокойная и уступчивая. В мирное время.

А сейчас я дико взбешена! Настолько, что... что... Да мне сейчас море по колено!

Ливень пытался охладить мой пыл, но даже противные капли пасовали перед посланием, что жгло карман плащика.

{«Фелисити!

Да-да, я в курсе, что ты бесишься, а еще грозила поколотить меня кактусом при встрече. Но я нужен тебе.

*Обман, трюки и грязная магия – вот мои лучшие фишки.
Приходи.
Направляй.
Будем держаться наших сильных сторон.
[Мастер Масок]
(только не тащи с собой кактус)»}*

Не тащи с собой кактус?

Наивный!

Не знаю, с кем этот прожженный обманщик имел дело ранее, но в реальном мире взбешенная девушка будет поопаснее стада быков, изворотливее самого шустрого комара в ночи и мстительна, как кот в отношении домашних тапок.

Не тащи с собой кактус...

Да щас!

Втянув голову в плечи и стянув отлеты поднятого воротника, я шустрой козочкой штурмовала относительно сухие участки. Если, конечно, эти самые порядочные козочки прячутся под втихую изъятым у сестры зонтиком цвета «вырви-глаз-желтый».

Держа в качестве ориентира стеклянную вертушку на входе в здание, я пересекла улицу, обогнула очередной водоразлив на тротуаре и в приступе контролируемой ярости остановилась напротив места встречи.

К слову, в мире наивных идеалистов (в моем, то бишь) преступники, мошенники и воришки прятались по подвалам

и злачным барам с сомнительными вывесками над входом. И там, в смраде алкоголя и дешевого табака, замышляли свои аферы.

В мире же реальном эти самые, которые преступники, мошенники и воришки, бронируют целый конференц-зал в деловой части города и готовят получасовую презентацию.

Вот как мы до такого дожили?!

Первый этаж здания оказался типичным БПБ: большим, пафосным и бестолковым. Прямо по центру с неприкрытым ехидством журчал фонтан с пухлым купидоном. Направо от входа виднелись диванчики и даже безалкогольный бар для заскучавших посетителей. Чуть дальше у стены располагалась огромная вывеска с названием центра и стойка.

– Добрый вечер. Ваше приглашение, – дежурно улыбнулась девушка, едва я встряхнула насквозь мокрый зонт и приблизилась.

– Приглашение? – повторила я попугайчиком, запуская руку в карман плаща.

В конверте, присланном этой бессовестной сволочью, лежали игральная карта, визитка с адресом и записка. Справедливо рассудив, что под приглашением явно понималась не четырежды смятая, выброшенная и торжественно возвращенная из мусорной корзины записка, а игральная карта, я протянула прямоугольник с нарисованной Королевой костров.

– Держите.

Сотрудница центра взяла протянутую карту, кинула быстрый взгляд в мою сторону, и мы сыграли в традиционную женскую забаву «насоли ближней»: она сделала вид, что ничуть не удивлена диссонансом между величественной королевой и серой, невзрачной мной. Я постаралась не скривиться.

Нервно притопывая от нетерпения, я едва дождалась пропуска и побежала на поиски четвертого этажа с расположенным там вип-залом.

Судя по меланхоличным стрелкам часов, висевших неподалеку, я опаздывала. Причем безбожно!

Кактус сам себя на голову этому гаду не опустит.

Кстати, как он там, мой хороший?

В лифте, возносящемся под тихую музыку, я открыла сумку и удостоверилась, что главный аргумент в пользу отказа от участия в сомнительных делишках благополучно пережил путешествие.

– Готовься, дружок, – тихо шепнула растению, уже предвкушая скорую месть.

Интересно, можно получить сотрясение мозга от удара глиняным горшком по голове? А вернуть на место совесть?

На заветном четвертом этаже меня перехватил молодой ассистент.

– Фелисити Локвуд? – очаровательно улыбнулся высокий юноша, выходя навстречу. – Позвольте, я помогу.

Вот есть в этой фразе что-то особенное. Я бы даже сказа-

ла, магическое.

Как еще объяснить тот факт, что я позволила?

Позволила юноше отобрать зонт ядреного цвета, который при должном желании мог легко сойти за оружие психической атаки. Позволила отнять сумку с заветным кактусом. Позволила вытряхнуть себя из мокрого плаща, а ведь не планировала раздеваться! Планировала гневно вспыхнуть, настучать кактусом по башке и смыться. А что теперь?

Представила, как улепетываю от охраны с криками: «Сперва верните плащик, сволочи!», и мысленно хихикнула от абсурда.

– Вы очаровательны, Фелисити, – окончательно сбил с настрой обезоруживающий юноша и фактически втолкнул в зал, где уже и без меня кричали, возмущались и желали огреть Мастера Масок по голове чем-то очень тяжелым.

– ...а после вломиться в особняк Алесандро Костигана?! – Нерд так психанул, что даже вскочил из-за стола, где вся эта развеселая компашка заседала.

– На минуточку, в одно из самых охраняемых мест империи! – поддержал его Взломщик.

– К человеку с личной маленькой армией, – от хриплого замечания Специалиста по возврату по спинам присутствующих кинулись врассыпную мурашки.

– Самому замкнутому и загадочному мужчине Звездной Элиты, – подытожила Мошенница, заправляя за ухо черный локон, и вкрадчиво уточнила: – Ты спятил?

Мастер Масок, тот самый негодяй, по которому плакал мой кактус возмездия, поправил закатанные рукава белоснежной рубашки и с лукавой улыбкой заявил:

– Возможно.

Несколько мучительных мгновений в комнате царила оторопелая тишина, которую сменила задумчивая неопределенность. Я неловко топталась у входа, ожидая подходящего момента для разборок. Остальные сосредоточенно размышляли над ситуацией.

По крайней мере, так могло показаться.

– Мясник мой. Я сам перережу ему глотку, – из уст перекачанного парня это звучало как угроза. Собственно, это и было угрозой.

– Никто не против, если в качестве трофея я сворую из его кабинета судейский коллар? – спросил Взломщик.

Ну как спросил.

Скорее констатировал.

– А я стяну бриллианты! – быстро сориентировался все еще стоящий Нерд.

– Тогда я беру на матримониальный прицел заместителя мэра города, – улыбнулась Мошенница.

Чего?!

Да они вконец охренели!

Я резко выступила вперед и заорала:

– Стоп, стоп, стоп! Никто ничего не крадет, не охмуряет и уж точно не убивает!

На меня с возмущением воззрились четыре самых наглых за всю историю существования наглости пар глаз, и даже Мастер Масок глянул с укором.

– Мы что же... в этот раз без маленьких, приятных сердцу сувениров? – заломила бровь Мошенница.

Я слегка охренела от ее понимания значения слова «сувенир». Все же заместитель мэра города – это вам не магнит на холодильник, но отважно кивнула.

– Именно!

– Фу, какая ты скучная, – надула губки Мошенница.

– К слову, а кто это? – убийственно глянул Специалист по возврату.

С какой-то такой нехорошей готовностью глянул. С готовностью любезно свернуть мне шейку и схоронить остывающий труп в ближайшем шкафу.

Ой, мамочки...

– И правда, – из своего кресла с грацией ленивого хищника поднялся Взломщик, – что за милую девочку ты позвал в команду?

И все дружно посмотрели на скромно улыбающегося Мастера Масок.

И я в том числе.

Просто тоже терзалась вопросом: «Предки, да за что мне все это?!»

Я же была послушной девочкой, ела кашу, не мочила прививки и никогда не рвала книги. Где?! Ну, где я так сильно

прокололась? Где свернула не туда и очутилась в одном зале с сомнительными личностями?

Предки равнодушно молчали, зато ожила память.

Мерзавка подключила к внутреннему взору проектор и извлекла из заглашников горячо лелеемую подборку самых грандиозных позоров Фелисити Локвуд. Покопавшись среди слайдов, она с глумливым смешком вставила один из них в специальную прорезь и взялась за ручку демонстрации, возвращая меня в прошлое.

Ровно две недели назад...

Глава первая. Две недели назад

Я балансировала на лестнице, расшатанной годами исправной службы, одновременно совершая три волевых усилия: держаться самой, держать кривую стопку книг, которую по закону подлости необходимо было убрать на самую-самую дальнюю полку стеллажа, и не разразиться громким чихом от махрового слоя пыли.

Дед вообще знаком с концепцией уборки?

Или планирует просто подождать еще годок-другой и снять с верхней полки коврик для ног?

«Кхх! Кхх!» – отчаянно стонала проржавевшими сочленениями недовольная лестница. Стопка трудов философа древности пыталась вырваться из рук и разлететься, аки стайка психованных голубей при виде прошмыгнувшего на чердак кота. Вдобавок ко всему мой центр равновесия стремительно мигал красными лампочками, свидетельствовавшими о перегрузке.

И именно в этот, крайне неудачный для посещения, момент колокольчик над входной дверью в магазинчик призывно тренькнул, извещая о приходе покупателя.

Ну да! А когда ж еще?

Уж явно не в те два часа, с восьми до десяти утра, когда я сидела в гордом одиночестве и зевала с риском вывиха челюсти. И уж, конечно, не в тот момент, когда я бесцельно бол-

талась по залу в поисках чего-то, что поможет убить время. И уж точно загадочный посетитель не догадался заявиться в ту секунду, когда жажда немедленной деятельности заприметила тележку с новым поступлением книг и погнала меня в кладовку за расшатанной стремянкой.

«Динь!» – радостно пропел звонок на стойке, вызывая к продавцу, ко мне то есть.

– Одну минуту! – крикнула я, демонстрируя чудеса эквилибристики на расшатанной стремянке.

Такое чувство, что фолианты знали: на второй ряд и верхнюю полку стеллажа книги приходят умирать в забвении и пыли, поэтому сейчас так отчаянно сопротивлялись. По ощущениям, каждая из книг отрастила парочку невидимых конечностей и теперь решительно упиралась во все подряд.

Но моему упрямству могло позавидовать даже самое несговорчивое выючное животное. Я пыхтела, кипела от злости и мысленно крыла упертые фолианты неприличными словами, но попыток не бросала.

«Динь-динь-динь!» – клиентка настойчиво требовала моего внимания.

– Не тревожьтесь, я сейчас подойду! – «доброжелательно» рявкнула в ответ, стараясь не обращать внимания на то, что:

а) книги продолжали артачиться;

б) в носу свербело;

в) лестница ходила ходуном.

«Ди-и-и-инь!!!» – зашелся несчастный звоночек в истери-

ке.

– Слышала! Не глухая! – вконец непочтительно огрызнулась и уловила тяжелую поступь шагов, свидетельствующую, что терпением неизвестная клиентка не отличается.

Нет, ну что – так сложно подождать пару минут?

Никуда не сбежит от тебя очередной иронический детектив «Зеленое танго с одноногим носорогом»! Или неизвестная дамочка всерьез опасается, что я тут коварно прячу переиздание нашумевшей академки «Адептка Риате в объятьях ректора Тьера», чтобы потом тайком поливать страницы следами, сопереживая непростой судьбе героев?

Во-первых, я выше этого!

Во-вторых, предпочитаю взрослую литературу, наполненную глубинным поиском смысла бытия.

А в-третьих...

В-третьих, (чего уж притворяться?) книгу я прочитала и облила слезами аж три дня назад, когда свежий, только-только из типографии, томик доставили деду в магазин.

И вот загадка: сагу «Адептка Риате в объятьях ректора Тьера» я перечитывала уже раза четыре, но всякий раз пробивало, как в первый!

Магия.

Не иначе.

– Ну, давай! – сердито шипела я. – Впихивайся уже.

Злость и грубая сила решили исход дела в мою пользу, и недовольная жизнью в целом и мной в частности стопка таки

встала куда следовало.

Мысленно возликовав, я услышала отрезвляюще-деловое покашливание, резко повернула голову на звук, узрела в проходе высокого мужчину и... потеряла точку контакта со стремянкой.

Внеплановый полет с лестницы проходил под бойкий аккомпанемент дождя по стеклу, мое истеричное «Иии!» и взмахи руками. Причем конечности выписывали такие восьмерки, что посрамили бы любого проповедника в священном экстазе или бедолагу с оголенным проводом в руках.

Ощувив мгновение свободного падения, инстинкт самосохранения вспомнил долгую эволюцию от макак к прямоходящим и откатил настройки до заводского уровня.

Шустрой обезьянкой я вцепилась в плечи так внезапно нагрянувшего в книжный рай мужчины. Сраженный красотой прыжка и силой тяжести, тот с изумленным кхеканьем инстинктивно подхватил дурную девицу, непроизвольно попятился, запнулся, и мы таки рухнули на пол.

Лежим.

Осознаем.

Пялимся.

– Ох... – я первая пришла в себя и с кряхтением приняла коленно-локтевую позу, да так и замерла.

Пока я раздумывала, что все же будет более уместно: оседлать неизвестного или откатиться в сторону, а посетитель с болезненной гримасой шупал затылок, лестница решила

присоединиться к нам.

Зловеще гремя, как непокорный железный зверь из страшной сказки, мстительная стремянка начала заваливаться, держа на прицеле мой хребет.

– Чтоб тебя!.. – выдохнул сквозь стиснутые зубы мужчина и резко перевернулся, легко подмяв незадачливую продавщицу книжного магазинчика под свою массивную тушу.

«Бах!» – лестница с радостью огрела горе-спасителя по спине, с довольным грохотом рухнула на пол, и вновь воцарилась тишина.

Все еще лежим.

По-прежнему осознаем.

Все так же палимся.

Побитый герой скользит по моему лицу взглядом темных, практически черных глаз с такой сосредоточенностью, словно мысленно делает карандашный набросок для плаката «Пропала без вести».

Я тоже не осталась равнодушной. С подчеркнутым интересом разглядываю короткий ежик, хмурую складку на переносице, тяжелую нижнюю челюсть упряма.

О, Предки! На кой вы дали ему такую мощную шею и невероятно широкие плечи? Это же не спина, а настоящий щит от неприятностей. От стремянки – так точно!

– Габриэль, – внезапно представился мужчина, нависая сверху.

– Фелисити.

Ну, вот и познакомились.

Лежим дальше.

Осознаем случившееся.

Пялимся.

– А вы вставать собираетесь? – робко уточнила я, елозя под могучим телом.

– Думаю, в альтернативной версии Вселенной я уже поднялся, помог вам отряхнуть платье, и мы посмеялись над случившимся.

– А в этой?

– А в этой... – мужчина запнулся, имитируя задумчивость, и убил своей откровенностью: – Я подумываю о том, чтобы встать, задрать ваше платье и... Насчет посмеяться – точно нет, но гарантирую: нам будет хорошо.

Я округлила глаза.

Я открыла рот.

Я возмущенно выпалила:

– Вокруг же книги!

Предки! Да что я несу?! При чем тут вообще книги? Когда это книги были аргументом для сексуально озабоченных психов?

– Клянусь, что в процессе не пострадает ни один переплет, – хрипло заверил мужчина и начал коварно склоняться к моему лицу.

Взвизгнув, я уперлась в широкую грудь ладонями, но проще остановить взглядом работающий пресс, чем притормо-

зить этого Габриэля. Задрыгала коленями, в надежде попасть по самому ценному, но мужчина очень осторожно переместился и прижал мои ноги к полу.

И тогда я набрала в легкие побольше воздуха, чтобы оглушить мерзавца воплем разгневанной сирены, но органы чувств внезапно вспомнили, что нос собирался и совсем забыл сделать кое-что крайне важное.

– АПЧХИ! – отважно чихнула я.

Лежим, как и лежали.

Осознаем случившееся.

Пялимся.

Точнее, пялюсь я одна, а обчиханный (и, высока вероятность, малость оплеванный) Габриэль навис сверху с закрытыми глазами и мелко трясется.

Псих! Как есть псих!

Или припадочный?

Вон и приступ, кажись, начался.

Но радует другое: мой грозный чих напрочь убил мужское либидо и энергично прибил лопатой землю на свежей могилке плотских мыслишек.

Пустьячок, а приятно.

– Простите, Фелисити. Я очень неудачно пошутил, – с трудом сдерживая смех, пошел на попятную Габриэль и кивком указал на свою руку, которой упирался в пол. – Браслет моих часов запутался в ваших волосах, и я боюсь пошевелиться.

– Ааа... – облегченно протянула я, в то же время испыты-

вая непонятное разочарование.

Вот вообще непонятное. Честно.

Но чих от маньяков обязательно запатентую!

– Обхватите меня за плечи.

Я как послушная девочка вцепилась пальцами в куртку мужчины, попутно отметив, что это только с виду – невзрачная одежда цвета грязи на болоте, а вот подкладка ярко-оранжевого цвета.

И нет, я не щупала всякие там бицепсы-трицепсы и уж точно не ловила тонкий запах парфюма.

Входная дверь хлопнула, впуская звуки дождя, прокатившийся по полу сквозняк и хозяина книжного царства.

– Лисичка, я вернулся! – крикнул дед чуть хрипловатым из-за непогоды голосом.

Мы с Габриэлем замерли, как пойманные на страстных лобзаниях подростки. В голове мелькнуло видение того, как ругающийся дед колотит моего незадачливого спасителя мокрым зонтом, тот пытается защититься, а я ору от боли, так как в процессе разборок никому и в голову не пришло отцепить невнятно-рыжую гриву из тисков браслета.

– Предлагаю ускориться, – шепнула я.

– По моей команде встаем, – полностью взял ситуацию под контроль Габриэль.

Ситуацию и меня.

И если первую – явно за горло, то меня любезно обхватил одной рукой за талию.

– Раз... Два... Три!

Поразительно, но нам удалось встать и даже высвободить волосы еще до того, как дед заглянул в проход между стеллажами.

Не иначе как адреналин подсобил.

– А, Габриэль! – добродушно улыбнулся дед. – Не предполагал, что вы придете так рано.

– Получил вашу весточку и решил не медлить.

Они обменялись рукопожатием, а я попятилась к стремянке в надежде, что дед уведет загадочного клиента наверх и оставит внушку в гордом одиночестве, чтобы та могла спокойно побиться о стеллаж лбом и от души попинать коварную лестницу.

– В таком случае, предлагаю подняться ко мне. Я не рискнул оставить настолько ценную книгу в общем зале... – не подвел дед и улыбнулся мне. – Лисичка, беги домой. Спасибо, что подменила.

– Рад был познакомиться, – одними глазами улыбнулся Габриэль и поторопился за хозяином книжного магазина.

А я стояла. Грустно смотрела вслед. Зачем-то кусала губы. О, Предки. Да что со мной такое?!

Категорически запретив себе думать о позоре, быстренько вернула стремянку на место, оделась и выскочила в мокрую бязь, падающую с небес. Запрет просуществовал ровно десять шагов. Именно столько потребовалось, чтобы перебежать на противоположную сторону дороги и пробудить

«другую» Фелисити.

«Думаю, – вкрадчиво шептал в моей голове воображаемый Габриэль, – в альтернативной версии Вселенной я уже поднялся, помог вам отряхнуть платье, и мы посмеялись над случившимся. А в этой...»

Воображаемый Габриэль зачем-то поиграл бровями.

«А в этой я встал, задрал ваше платье, и... нам было хорошо».

«Серьезно, – дерзко улыбалась воображаемая я. – В таком случае, где-то в параллельной Вселенной я так настучала вам по шарам, что кое-кто запел фальцетом!.. Повторить в этой?»

Воображаемый Габриэль был посрамлен моим ответом.

Вопрос: вот и почему я такая умная да находчивая только десять минут спустя? Где прячется красноречие в моменты, когда оно действительно нужно?!

Кто-то сильно толкнул меня в плечо, охнул, а после протанцевал по опять же моей конечности заковыристое па. Я взвыла.

– Ох, голубушка, простите старика, – запричитал морщинистый дядечка с тростью, с виноватой улыбкой демонстрируя очки и платок, которым, по всей видимости, пытался протереть от капель стекло. – Очки запотели. А без них я хуже крота.

– Все в порядке. Не переживайте, – вымученно улыбнулась я, хотя там даже близко все не было в порядке.

Нога ревела от зверской боли. Даже опираться на неё оказалось невыносимо. Рука так вообще почему-то онемела ниже локтя.

– Еще раз извините, голубушка. Хорошего дня, – распрощался сторбленный старичок, водрузил очки на кончик носа и посеменял в сторону.

Вот так, даже сама того не осознавая, я впервые столкнулась с Мастером Масок.

Глава вторая. Улица Великих домов

Мысленно рыча от боли, я медленно брела вдоль зданий, выкрашенных в основные цвета магических домов, и старалась не сильно припадать на оттопанную стариком ногу. Получалось хреново.

На контрасте с нижней конечностью рука болталась вдоль тела безвольной плетью и признаков беспокойства не подавала. Жизни, впрочем, тоже.

– Фелисити! – огласил улицу радостный вопль, я вздрогнула и вжала голову в плечи.

Вот тут, пожалуй, настало самое время пояснить, что дедушкин книжный магазинчик располагался на улице Великих домов. По директиве Элиты такая улица должна была быть в каждом более-менее крупном городе Звездной империи.

Но только в Золограде этот элемент инфраструктуры приютил всех чудиков из ближайших окрестностей.

– Фелисити! – вопль повторился, но уже заметно ближе, и на меня налетели три растрепанных чумазных вихря.

Первый врезался и обнял пострадавшую ногу, отчего та вспыхнула новым энтузиазмом боли, а меня знатно так перекосило. Второй вцепился в руку, травмированную старич-

ком. Третий дотянулся только до пояса плаща, за который теперь дергал с такой интенсивностью, что меня прогибало в пояснице.

– Мы все поняли...

– Да-да! Теперь это сто процентов уверенности.

– Наиверняк!

– А? – только и смогла выдавить я, с ужасом оглядывая возбужденное трио.

То был ужас, летящий на крыльях детской непосредственности, а именно внуки старухи Джонсон – гиперактивные мальчики в нежном возрасте десяти, восьми и шести лет от роду. И если вам пока не довелось встретиться с этим маленьким диверсионным отрядом, то считайте себя сказочным везунчиком.

Увы, но в моем случае удачей даже не пахло.

Пахло беспризорными котами, которые отчего-то выбрали угол ближайшего дома в качестве общественной уборной.

– Фелисити, мы вычислили, зачем драконы похищали принцесс, – заявил старший из братьев.

К слову, никто в целом мире не был способен вводить в ступор и вгонять в стресс лучше, чем это делали внуки старухи Джонсон.

– Вот! – выкрикнул средний сорванец и повертел перед моим носом исчерканным блокнотом. – Здесь все очевидные варианты.

– Сперва мы склонялись к гастрономическому интересу, –

пустился в пояснения старший.

– ...но драконы не жрали похищенных, иначе принцам просто некого было бы спасать, – перехватил мысль средний.

– И тогда мы подумали об эксплуатации принцесс на ниве домашнего хозяйства...

– ...но потом вспомнили молоденькую жену Хьюго из Алого тупика и пришли к выводу, что дамочки голубых кровей – не самые хорошие и бережливые хозяйки, – и снова средний.

– Вот тогда-то нам и пришла идея о похищении ради спасения.

Инстинкт самосохранения тотчас поднял голову и напомнил, что Фелисити Локвуд еще не столь раскрепощена и устойчива, чтобы вести с детьми просветительские беседы на тему секса без угрозы сгореть со стыда и провалиться под землю.

– Пришлось проштудировать парочку учебников по биологии...

Инстинкт самосохранения облегченно выдохнул, а запаниковавшая было эрудиция бросилась листать потрепанную методичку по цензурному сексуальному воспитанию на примере пестиков и тычинок.

– ...и кое-что из домашней библиотеки!

Внутренние голоса вновь напряглись и коллективно помолились, чтобы самообразовывались внуки не по бабушкиной коллекции романов «69 оттенков страсти», в противном

случае...

– ...и мы выучили столько новых слов, – заговорщическим шепотом поделился Джонсон-старший.

– Ага! – просиял молчавший доселе младший брат. – Мое любимое – коитус!

Сказал громко так. Радостно.

Так радостно и громко, что парочка стихийных прохожих обернулись в нашу сторону и сделали большие глаза. Я же с несчастным лицом подавила трусливое желание сбежать от подрастающих драконологов, громко вопя и размахивая руками.

– ...но и с теорией размножения вышел облом, – очень грустно и как-то даже чересчур по-взрослому вздохнул Джонсон-средний.

Фууух. Прямо гора с плеч.

– И тогда мы нашли ответ в вечной и неизменной истине всех времен и видов... – Джонсон-старший сделал паузу, глубокомысленно шмыгнул носом и закончил:

– В настольных играх.

Обожаю детскую непосредственность в целом и внуков старухи Джонсон в частности. Так сильно обожаю, что на минутку-другую выпала из реальности и только глупо хлопала ресницами, пытаясь понять, как неугомонное трио пришло к этой мысли.

Воображение, захваченное перспективой подкинутой идеи, тотчас нарисовало темную пещеру с горящими под по-

толком факелами. Кто-то хозяйственно сдвинул груды золота к стенам, освободив пяточок в самом центре.

И вот там-то на расстеленном игровом поле застыли в причудливых мостиках, морских узлах и шпагатах чешуйчатые ящеры и похищенная принцесса. Причем последняя восседала на самом верху волейбольной вышки и громко командовала: «Первый игрок, правая лапа на красный... Второй игрок, хвост на синий круг... Третий игрок, крыло на зеленый...»

Картинка вышла до того яркой, что я поскорее потрянула головой, гоня последующие видения партии в монополию и красного дракончика, с помощью пантомимы и энтузиазма объясняющего товарищам по команде слова «очумевшая выхухоль».

– То есть вы трое всерьез полагаете, что драконы похищали принцесс, когда им не хватало еще парочки игроков для настольной игры?

Разрушители легенд энергично закивали.

– Хорошо, а почему драконам не попросить нормально? Зачем сразу похищать? – не сдавалась я.

Внуки старухи Джонсон глянули на меня с той особой снисходительностью, которую умеют транслировать по отношению к взрослым только дети и домашние коты.

– А ты бы согласилась поиграть в подкидного-переводного дурака с тремя плотоядными ящерами-клептоманами? Действительно. Чего я глупости несу.

– Мальчики, немедленно домой, – гаркнула на всю улицу высунувшаяся из окна пожилая женщина.

– Да, бабушка! – чересчур покладисто крикнули внуки и сжали мое тщедушное тельце в коллективных обнимашках.

Официально заявляю, что теперь мне знакома вся гамма ощущений перепуганного путника в брюхе гигантского пикера.

Крича и толкаясь, любознательные чадушки скрылись за углом дома, я же подняла голову и помахала старухе Джонсон. Та в ответ поджала губы и громко хлопнула рамой.

Сердитый грохот ставен разбудил небесную канцелярию, отвечающую за дождь. Наверху кто-то заполошно подорвался с рабочего места, на котором еще минуту назад сладко посапывал, и в рабочем угаре дернул за все рычаги управления непогодой.

Тучи нахмурились, сконцентрировались и обрушили на землю новую порцию дождя. В просветах между разноцветными домами сверкнула молния, которую через секунду-другую нагнал боевой гром. Жахнуло так, что даже стекла витрин задрожали, а мой желудок решил поддержать раскат грома голодным ворчанием.

Взвизгнув от десанта капель, скользнувшего за воротник плаща, я заскочила под ближайший козырек и начала отчаянно рыться в поисках зонта.

Ну, был же! Точно помню, как кидала его утром в сумку. Правая рука немного пришла в себя, однако нормально

функционировать пока отказывалась и вообще просилась в отпуск по собственному желанию. Удача, по всей видимости, уже загорала где-то в теплых странах, потому что на небосвод вкатилась массивная туча и грянула с утроенным энтузиазмом.

Орудую одной левой, я случайно уронила сумку в лужу. Быстро наклонилась, чтобы поднять, и со всей дури треснула локтем о стену. Попыталась придержать дно сумки коленом, оступилась и влезла в лужу. Перерыла все содержимое женского баула, ласково именуемого сумочкой, но так и не обнаружила зонта-спасителя и окончательно заклеимила этот день штампом «неудачный».

Поздравляю, Фелисити Локвуд! Еще немного, и фонд «Пострадавших и пожизненно проклятых» проникнется сочувствием и примет тебя в свои тесные ряды неудачников, чтобы доплачивать за вредные условия труда и жизни.

Подперев спиной дверь подъезда, я уставилась на улицу, смазанную косыми линиями дождя, и насторожилась.

Абсолютно все улицы Великих домов застраивали по одному проекту. Проект чертили, вероятно, трясущимися от оказанной чести руками, не иначе как в пьяном бреду, компанейском угаре и приступе помешательства. А командовал всем мистер Пофиг.

Начнем с того, что команда креативщиков поссорилась с прямыми линиями, и все, начиная с проезжей части и заканчивая фасадами, петляло замысловатыми волнами и пора-

жало кривизной.

Всего на улице было четырнадцать домов, по два дома на каждую магическую практику. Начало и конец, словно большие кривые скобки, венчали два П-образных дома с величественными арками в виде равнобедренного треугольника – Белые ворота, и обрезанной снизу пятиконечной звезды – Алый тупик. И это было еще ничего.

В середине процесса мастера-проектировщики так упоролись... Эм, в смысле так уработались, устали, умаялись, что впопыхах перевернули чертеж и спроектировали несколько домов в отрыве от горизонтальной поверхности, крышами вниз.

Но и этого команде с логарифмическими линейками показалось мало.

Они задумались о цвете своего творения!

Нумерация начиналась с дома, покрашенного в белый, далее шел серебряный, черный, синий, зеленый, желтый и алый...

Думаю, что вы уже поняли главное: ребята очень постарались.

Дождь загнал меня под козырек дома, где некогда селились маги земли, но после Падения Черной Элиты, случившегося добрую половину века назад, владык тверди не осталось. Вот почему два черных дома друг напротив друга таращились на улицу выбитыми окнами и заколоченными дверями в подъезд. Но даже мрачный приют козырька, спасавшие

го от непогоды, не тревожил струны моей обычной впечатлительности.

Что-то было не так.

Что-то по-крупному было не так!

Смутная догадка резвилась в омутах подсознания, но всплывать на поверхность не желала. А потом стало и того хуже: внезапный приступ необъяснимой тревоги накрыл меня своим покрывалом. Пульс участился, внутренности сжала когтистая лапа страха, тело дернулось от накатившего озноба.

– Вот она! Лови мерзавку!

Я быстро оглянулась на вопль, опознала представителей городской стражи и как законопослушная гражданка без единого привода... зачем-то пустилась в бега!

– Сто-о-ой! – надрывались преследователи, но я только прибавила скорости.

Точно перепуганная кошка, улепетывающая от стаи бродячих собак, я поскакала по дороге. Оттоптанная стариком нога еще пыталась протестовать и заикаться о боли, но бегущий в крови адреналин, секунду назад успешно заткнувший даже голос разума, проигнорировал потуги нижней конечности восстановить справедливость. Видя все это, здравый смысл покрутил пальцем у виска, спешно собрал пожитки и скрылся в неизвестном направлении.

– Стой! Стой, воровка! – летело мне в спину. – От нас не уйдешь!

Как говорится, не попробуешь – не узнаешь. Так что вперед, господа стражники.

Подхватив длинный подол зеленого платья, я неслась вперед, презрев все «уроки вежливости», годами вбиваемые в неокрепшее детское сознание воспитателями и учителями.

Судя по тому, как быстро улепетывала я, во мне погиб прекрасный спортсмен. Основываясь на наблюдении, что четверо тренированных стражников никак не могли нагнать одну шустрю девушку, бегали парни исключительно в магазин за корюшкой и пивом.

Грохнули ставни, в окно высунулись три любопытные морщины. Внуки старухи Джонсон моментально оценили шоу, выбрали сторону и принялись скандировать:

– Фе-ли! Фе-ли! Фе-ли!

С группой поддержки спастись бегством оказалось куда приятнее. Я ловко вильнула, уклонилась от загребущих ручищ стража и перемахнула глубокую лужу, в которую с веселым матерком влетел на всем ходу представитель порядка.

Когда наша честная компания неслась мимо книжного магазинчика, из дверей выскочили перепуганный дед с Габриэлем.

– Лисичка?

– Дедушка! – пискнула я, даже не сбавив скорость.

– Что происходит? – властно уточнил Габриэль.

– Воровка! Лови! – пролаяли увлеченные азартом погони стражники, прогремев тяжелыми сапогами мимо застыв-

ших в недоумении мужчин.

Туча, явно обиженная отсутствием интереса к себе, такой большой и мокрой, психанула. Пасмурное небо расколол смачный зигзаг молнии, а через удар сердца грохнуло так, что мама не горюй!

Я инстинктивно вжала голову в плечи, на полном ходу запнулась о валяющуюся на тротуаре трость и с диким визгом рухнула на четвереньки.

– Попалась! – возблагодарили девичью неуклюжесть стражники, заломили мне руки и резко дернули, поднимая с тротуара. – А теперь шевелись. В участке тебя уже заждались.

Вот так Мастер Масок подставил меня в первый раз.

Глава третья. О подставах и законниках

– Я вас слушаю, – вооружаясь ручкой, сухо проинформировал следователь.

Он скрючился за узким столом. Нагрудный шеврон к темно-серой форме городской стражи пришит криво. Белый воротничок форменной рубашки хвастался темным отпечатком грязного пальца. На сутулых плечах лежал ровный слой перхоти, осыпавшейся с коротких, уже редющих волос.

А еще у мужчины были серые глаза замкнутого человека.

Даже казенная плитка на полу казалась более приветливого оттенка, чем устремленный на меня взгляд.

Ручка, зажата в пальцах блюстителя порядка, тоже знавала лучшие времена. Колпачок изгрызен до самого основания, чернил оставалось на донышке, а сам керамический шарик на кончике приспособления уже трижды попытался скончаться смертью храбрых трудоголиков, но был хладнокровно расписан-воскрешен на бумажном клочке следователем-некромантом.

Участок городской стражи располагался в трех улицах или семи минутах позорной прогулки под конвоем. Допросная не баловала ни взгляд, ни пятую точку. Видимо, цинично решила, что если людям будет здесь удобно, то они, чего

доброе, захотят остаться, почувствуют себя как дома, начнут двигать мебель и просить чай с печеньем.

Я с опаской ерзала на хлипком казенном стуле, чья сидушка могла с легкостью посрамить даже твердость алмаза, и старательно отвечала на вопросы.

– Имя, фамилия, адрес регистрации и проживания, – поинтересовался сержант и аккуратно внес мои данные:

«Фелисити Локвуд. Девятнадцать годочков от роду. Проживает по адресу: Золоград, Большой магический тупик, дом 13».

– Замужем?

– Нет. И не пыталась, – как на духу выпалила я.

– Где вы находились сегодня с восьми до десяти утра?

– В книжном магазине на улице Великих домов. Заменяла дедушку, которому пришлось отлучиться по делам.

– Кто-то может подтвердить?

– Книги.

Сержант с мученическим вздохом отложил многострадальную ручку с изгрызенным колпачком и поднял на меня неприветливый взгляд. В серых глубинах мелькнула и погасла оценка моего коэффициента умственного развития. И это было число в одну цифру.

– Книги не считаются надежными свидетелями, – наконец, изрек стражник.

Я была в корне не согласна с данным утверждением.

Если уж на то пошло, то многие мои знакомые менее на-

дежны и не столь реальны, чем книги из дедушкиного магазина.

Угроза ареста отошла на второй план, я приосанилась и набрала больше воздуха в грудь, чтобы поспорить с представителем закона, но дебаты не состоялись по причине появления еще одного стража порядка.

– Держи, сержант, – сказал тот, появляясь в узком проходе между столами и с гаденькой улыбочкой протягивая замусоленный лист. – В твою коллекцию нераскрытого.

Если бы человек был способен прокиснуть на работе, то этот процесс определенно сопровождался бы вот таким выражением муки на лице, какое только что продемонстрировал сержант.

– Спасибо, капрал, – сухо поблагодарил страж с интонацией «да почему опять я?!», встал и начал крепить прямоугольник с ориентировкой прямо к толстому слою штукатурки на стене.

Забегая немного вперед, скажу, что в тот момент на личное кладбище нераскрытого, состоящее из пяти ориентировок, подъехала шестая. И со всех скромно улыбался карандашный набросок нашего Взломщика.

– Я не виновата, – выпалила, едва сержант вернулся на место и взял ручку.

– Все мы в чем-то виноваты, – с философской бодростью отозвался тот, и почему-то сразу стало понятно: в торжестве справедливости мой собеседник уже давно и прочно разуве-

рился.

А дальше началось форменное безобразие: штурм из вопросов, кресло дознания для нервной системы и попрание презумпции невиновности под кодовым словом «допрос с пристрастием».

– Что с вашей рукой и почему вы хромаете?

– Столкнулась с прохожим, – пожалала я плечами.

Сержант глянул с видом «мы еще и упорствуем» и перешел в наступление:

– Как вы проникли в дом Дэвида Хрона?

– А это кто вообще такой? – офигела я.

– Не отпирайтесь, Фелисити Локвуд, – чуть надавил интонациями страж. – Вас видели четверо свидетелей до совершения кражи и двое уже после того, как вы вынесли медальон из дома. Охранник, которого вы вырубili ударом по голове, тоже дал очень точное описание.

У меня самым неприличным образом отвисла челюсть.

Вырубил охранника ударом по голове? Я?!

Да я без происшествий даже книги на полку поставить не в состоянии, не говоря про то, чтобы кого-то отключить!

– Это вы украли медальон и вынесли его из дома?

– Нет!

– У вас были сообщники?

– Да о чем вы?.. – очумело выдавила я.

– Кто-то из персонала, работающего в доме, сообщал вам сведения о своем расписании? Передавал планы дома?

– Поймите же, я не в курсе, о каком доме идет речь!

– Куда вы дели медальон?

На этом моем терпении пришел окончательный конец, я взорвалась и фактически крикнула:

– Всемиловитые Предки, какой медальон?!

Но сержант оказался устойчив к воплям задержанных. Он подавляюще громко хлопнул ладонью о стол и загремел на всю комнату:

– Заканчивайте придуриваться, Фелисити Локвуд. Вас видели на месте преступления, вы оказали сопротивление при задержании, а еще у вас характерные травмы, указывающие на то, что кражу совершили именно вы.

– Какие травмы?..

– На медальоне стояло два охранных заклинания, – заявил мужчина с азартом крайне ответственного палача, уже сделавшего замах топором. – Первое вам удалось частично погасить и уйти на своих двоих, но хромота осталась. Но второе охранный заклинание без магического дара или специальных инструментов снять не удалось. Вот почему ваша рука была временно парализована.

Меня затрясло не то от холода, поднимающегося по телу от мокрых ботинок и подола платья, не то от нервов.

– Сознайтесь, Фелисити, – вновь попытался надавить сержантик. – Дэвид Хрон крайне заинтересован в том, чтобы ему вернули медальон в целостности и сохранности. Верните украшение, и отделаетесь всего-то пятью годами заключе-

ния.

Всего-то пятью?!

Я подавила настойчивое желание вскочить, ухватить стража за полы форменного пиджака и трясти следователя до тех пор, пока у того не проснется совесть или не сдохнет от качки пофигизм.

Но я сдержалась.

Распрямила плечи, нацепила маску холодной отстраненности (очень надеюсь, что не перепутала с выражением безумного испуга), от греха подальше спрятала подрагивающие в волнении руки и голосом холодным, как зимняя вода в речке, потребовала:

– Мне нужен защитник и одно соединение с родственниками по пси-кристаллу.

Сержант не стал скрывать своего крайнего разочарования в рыжей дурочке, сидящей напротив. И вместо защитника и связи одну наивную меня потащили в общую камеру, заявив на дорожку:

– Я дам вам шанс немного поразмыслить, Фелисити Люквуд.

Дурное предчувствие чего-то гадкого и крайне несправедливого засело в груди, как осиновый кол в сердце неосторожного вампира, и не отпускало все то непродолжительное время, пока конвой вел меня в святая святых участка – в камеру временного содержания.

Эмоции мешали нормально думать. Беспомощность беси-

ла. Но хуже всего оказалась компания, встретившая меня в общей камере.

Мда... Жизнь меня к такому не готовила.

Мы еще не приблизились к двум общим камерам, а ноздри уловили сногсшибательные нотки душка перегара, табака и смердящей вони тел, знавших о гигиене только по рассказам других очевидцев.

– Ребят, глянь-ка, новенькую ведут, – донесся нахальный бас, и к прутьям камеры, расположенной справа, приблизился мужчина.

Природа наградила его ростом и мощью человека, способного схлестнуться врукопашную с медведем, но выглядел силач, как почетный работник шеста, главный пользователь масла с блестками и фанат крохотных трусов а-ля фиговый листочек.

– Привет, красавица, – подмигнул здоровяк.

Внутренний голосок ехидно шептал, что бледная «красавица» сейчас больше напоминала клиента реанимации, но кто же в здравом уме спорит с комплиментами? Даже такими сомнительными.

– Етишки-манишки... Начальник, хе... определяй деваху к нам, хе! – прохрипел... прохрипела?... прохрипело нечто из соседней камеры.

Нечто больше напоминало грязную куртку, которая эволюционировала до зачатков разума. И эти самые зачатки настойчиво требовали слоняться, кататься в грязи, спать на

лавках и проливать на себя все, что только можно пролить.

– Лучше к нам, – широко, с аппетитом людоеда улыбнулся здоровяк, а я всерьез задумалась о том, чтобы симитировать сердечный приступ, преждевременные роды, ранний инсульт или волчанку.

– Одну минуту! – спас меня от театрального позора звонкий девичий голосок.

Нечто в компании других курток закопошилось и с интересом прильнуло к прутьям решетки. Здоровяк подобрался. И только конвой, сопровождавший меня на пути в застенки, остался безразличен, как кувшинка на водной глади.

– Джулия Белл, поверенная Дэвида Хрона, – на ходу представилась брюнетка в агрессивно-алом платье с перчатками и папкой. – От лица своего нанимателя я бы хотела поговорить с подозреваемой с глазу на глаз.

В ее руке мелькнула сложенная купюра, которой дамочка весьма многозначительно повертела перед носом конвоиров. Те сделали стойку преданных псов, только что передними лапами в воздухе не задергали, выпрашивая вкусняшку.

– Десять минут, – хитрая усмешка-оскал. – Четвертая допросная.

– Идет, – согласились горе-конвоиры.

Едва произошел круговорот валюты в природе, меня грубо развернули и потащили прочь от клеток с задержанными.

– Возвращайся, куколка, – пробасил здоровяк. – Мы ждем.

Ага, бегу и спотыкаюсь.

Я торопливо хромала вслед за дамой в алом и пыталась не отчаиваться.

Спокойствие, Фелисити, только спокойствие.

Абы кого ведь в поверенные не берут. Точно вам говорю, не берут.

Там и смекалка, и ум, и знание законов нужны. К тому же поверенная – это не сержантик из городского участка. Она не станет упорствовать в заблуждениях. Она будет заинтересована в том, чтобы найти этот злосчастный медальон, и тогда меня отпустят.

Ага, наивная.

Судя по жесткому взгляду дамы, брошенной брюнеткой через плечо, на выходных Джулия Белл занималась тем, что топила котят в бочке.

Из чисто альтруистических побуждений, а вы что подумали?

Коридор вильнул влево, замелькали двери, похожие и безликие, какими могут быть лишь казенные вещи.

– Спасибо, мальчики, свободны, – многозначительно кивнула конвоирам Джулия, отпирая одну из дверей.

Я немного замешкалась на входе, за что получила мотивирующий толчок в спину и, споткнувшись о порог, ввалилась в комнату. Чудом не упала, выпрямилась и сжала кулаки.

Комната пребывала во власти сумерек, заглянувших из-за непогоды раньше положенного срока. Никто не потрудился

зажечь свет, поэтому мужская фигура, застывшая на фоне окна, казалась мегабольшой и дико мрачной.

– А теперь мы поговорим, гадина! – как-то излишне громко пообещала Джулия Белл.

В наступившей тишине смертным приговором щелкнул провернувшийся в замке ключ. Из коридора донеслись глумливые смешки конвоиров и их удаляющаяся тяжелая поступь.

Ну, все...

Кажется, мне крышка.

Надгробная.

Джулия быстро обошла присосшую к полу меня и кивнула мужчине.

– Готово.

Тот оттолкнулся от подоконника, встал во весь рост, и в комнате как-то разом стало мало места. В полумраке угадывалась знакомая фигура, рядом валялась куртка с ярко-оранжевой подкладкой.

Погодите-ка... Габриэль?!

И только я обрадовалась было, увидев хоть кого-то условно знакомого в этом царстве тьмы, как мужчина непререкаемым тоном скомандовал:

– Раздевайся.

Глава четвертая.

Маскарад в участке

Раздевайся?

Как бы так осторожно намекнуть этому нахалу, что вот так незадача: как раз сегодня я оставила дома тело для чувственного раздевания перед красивым мужчиной под томную музыку и впопыхах впрыгнула в свое обычное, с попой в хлопчатобумажных трусиках и пуританском лифчике?

– Нет! – вот все, что смог выдавить мой речевой аппарат.

Восклицание вышло до того писклявым и возмущенным, словно я была непорочной монашкой, обнаружившей в кровати обнаженного и крайне возбужденного постороннего мужчину.

– Не паникуй. Это он не тебе, – хмыкнула поверенная, швыряя на стол сумку.

Ее пальцы нырнули в копну черного шелка волос, негромко щелкнули заколки, и брюнетка перестала быть таковой. Швырнула парик на стол, взлохматила русые волосы и пристально глянула на меня.

– Да-а... Работы много, – протянула дамочка задумчиво и полезла в сумочку.

За считанные мгновения на столе вырос ряд из баночек, непонятных дисков, косметичка и перчатки. Я так засмот-

релась, что даже не заметила подошедшего Габриэля. Лишь вздрогнула, когда он тронул меня за локоть, разворачивая к себе.

– Все нормально? – заглянул в мои офигевшие от происходящего глаза. Видать, выискивал в глубинах следы надвигающейся истерики и бегущего с распростертыми объятьями безумия. Уж не знаю, что он там углядел, но констатировал следующее:

– Выглядишь бледной.

Как по мне, отсутствие эйфории в данном случае как раз говорило в пользу того, что со мной все чудесно, и кукушечка не каркает, улепётывая в неизвестном направлении. Но я не стала развивать тему внешнего вида и задала главный вопрос:

– Что происходит?

– Тебя крайне профессионально подставили, чтобы иметь рычаг давления на Дрогорода.

Даже не сразу поняла, о ком говорит этот крайне необычный мужчина.

На моей памяти о своем настоящем имени дедушка вспоминал только при подписании официальных документов. Все звали его по урезанной фамилии «Алин» или же «господин Алинар».

Дед никогда не представлялся именем, данным при рождении. Даже я, его любимая и ненаглядная внучка, до десяти лет свято верила: моего деда зовут Алин Алинар. Если

бы мама случайно не проболталась, я бы так и оставалась в неведении.

Но откуда Габриэль мог знать настоящее имя деда? И зачем кому-то потребовался рычаг давления на хозяина книжного магазинчика, что на улице Великих домов?

Видать, некая усердная работа мысли отразилась на моем лице, потому что Габриэль отрезал:

– Все потом. Сперва вытащим тебя.

– Габриэль, – окликнула поверенная, натягивая перчатки и вооружаясь тубиком с подозрительной рыжей бурдой, – осмотри ее, пока я крашу волосы.

Габриэль кивнул, подхватил меня за талию и усадил на стол – я даже пискнуть не успела. После чего опустил на корточки, схватил мокрый край моего платья и резким движением дернул наверх.

– Поздравляю, вам это все-таки удалось, – глупо хихикнула я. – Вы задрали на мне юбку.

Мозг озадаченно сморщил извилины и поспешил открыться от последней фразы. Мол, это не я, все претензии к языку, который несет какую-то дичь. И вообще, мне давно пора перезагрузиться, откладываю глубокий обморок из последних сил.

Габриэль быстро встал, склонился к моему лицу и шепнул:

– Ещё одно слово, и мы займёмся безудержным прелюбодеянием.

– При свидетелях? – ужаснулась я.

Явно не тому ужаснулась.

– Я всегда могу отвернуться, – насмешливо пропела Джулия Белл, никакая не поверенная Дэвида Хрона, у которого кто-то свистнул крайне ценный медальон. – И, Габриэль... Не то чтобы я была так уж категорически против ваших страстных кувырков на столешнице в допросной, но лучше отложить открытое прелюбодеяние до более подходящего момента.

– Пожалуй, что так... – мужчина кивнул и вернулся к осмотру.

Сильные руки умело стянули с меня ботиночки. Под мои болезненные охи Габриэль повертел стопу в разные стороны, проверяя на вывих и перелом. Обошлось.

– Покажи руку.

Я послушно вытянула перед собой пострадавшую конечность. Хоть паралич и прошел, но пальцы слушались плохо, ощущались, как пять переваренных сосисок, и неприятно пульсировали в такт ударам сердца.

– Чисто, – констатировал после осмотра Габриэль и нахмурился. – Работал профессионал.

– Габи, сладкий, – пропела девушка, встряхивая волосами... очень-очень рыжими волосами! – В этом городе только один профессионал.

Знай девушка, поспешно стирающая с лица яркий макияж, что перешла дорожку одному из самых гениальных и

столь же беспринципных людей преступного мира, меня бы оставили куковать за решеткой в ожидании справедливости.

Но она не знала.

Никто не знал.

– Мне пора, – обронил Габриэль и осторожно коснулся кончиков моих пальцев. – Слушайся Джулию, она поможет. Я буду ждать снаружи. Как выйдешь из участка, поверни направо и пройди четыре дома. Удачи.

Мужчина вышел, а за меня взялась загадочная профессионалка Джулия.

Раздеваться все же пришлось. И если я легко вошла в алое платье, которое по крою напоминало утонченный алый мешок с рукавами и широким ремнем в области талии, то Джулии пришлось изрядно попотеть, чтобы под душераздирающий стон стежков втиснуться в мое.

– Нам нужно обвести вокруг пальца этих идиотов в форме, – скороговоркой выпалила знакомая Габриэля, толкая меня на стул и хватая со стола косметичку. Запоминай главное: искусство притворяться начинается с веры. Первый, кто должен поверить в обман, – ты сама. Вот твое новое лицо.

Джулия сунула мне в руки пудреницу. С зеркальной поверхности крышки смотрела брюнетка с томным взглядом и яркими губами. Симпатичная и крайне растерянная.

– Забудь, кем ты была раньше. Обязательно оставь пряди возле лица, чтобы боковое зрение ловило новый образ, – наставляла девушка.

Не скажу, что экспресс-курс мне сильно помог, но было интересно.

– Шаг второй – твоё тело. Хочешь кого-то облапошить – начинай врать с жестов. Наши тела рассказывают тысячи историй ещё до того, как кто-то откроет рот. Если на выходе из участка тебя кто-то остановит, прежде чем заговорить, немного оттяни ворот платья, чтобы собеседник увидел ключицу, и оближи губы, сконцентрировав внимание на алой помаде, а не на голосе. Вот, держи, – девушка протянула мне свои туфли.

– Неудобно, – пожаловалась я, едва ноги взяли неожиданную для обуви высоту.

Но «поверенная» только отмахнулась, велела мне походить по допросной, а сама принялась гримировать собственное лицо. Она умело работала кистями, не забывая в процессе болтать:

– Каблук сделает твою походку мягче, медленнее, изменит силуэт фигуры... И кстати, вот, – девушка смела все пузырьки со стола в сумку и протянула ее мне. – Повесь на сгиб правой руки, чтобы замаскировать ее частичную недееспособность.

Меня развернули и подтолкнули в сторону выхода из допросной.

– Шаг третий – эмоциональное состояние, – уже положив ладонь на дверную ручку, озвучила последнее наставление Джулия и хитро глянула. – Я спала с Габриэлем. Дважды. Он

шикарный любовник.

Не знаю, какой реакции ждала моя загримированная копия, но я крупно облажалась даже в этом и не оправдала надежд.

– Даже так? – невпопад заявила собеседница и усмехнулась. – Тогда как тебе такое признание: я обожаю приходить в книжный магазин. Захожу и выбираю одни из самых дорогих и желанных книг. А потом... потом я незаметно вырываю по несколько страниц из середины и возвращаю книги на место.

Воображение представило, как я, со свойственной только мне удачей, покупаю именно эту пострадавшую книгу, прихожу домой, погружаюсь в чтение и... на самом интересном моменте обнаруживаю пропуск.

У меня дернулось нижнее веко, непроизвольно сжались кулаки, и забила копытом ярость.

– А вот теперь пошли! – возрадовалась Джулия.

И мы пошли.

Я, моя тщательно загримированная копия и увязавшийся следом полный провал.

В свое оправдание скажу только одно: меня не брали даже на роль дерева в школьных постановках. Глупо было ждать, что я справлюсь.

Я никогда не была яркой и заметной девочкой. Я никогда не была девочкой, которую приглашали танцевать одноклассники. Я никогда не была той девочкой, которой дарили

цветы на свиданиях. Большую часть жизни я провела в компании книг, вечно вся в себе и... ожидании чуда.

Как можно было требовать от меня невозможного?

Увы, но жизнь не спрашивает твоего мнения.

Жизнь ставит тебя в интересные позы и наслаждается процессом.

– Как прошла беседа, госпожа поверенная Дэвида Хрона? – уточнил один из конвоиров, ждавших в конце коридора, ведущего в допросные.

– Сносно, – огрызнулась я, напрочь позабыв, что должна оттянуть ворот и облизать губы.

Подельница метнула в мою сторону взгляд. Будь это копье, я бы уже хрипела на полу и с ужасом тарасилась на деревко, пробившее грудную клетку.

– Пожалуйста, пожалуйста, – громко всхлипнула Джулия, переключая внимание конвоиров на себя. – Поверьте, я не виновата. Я ничего не брала. Я не знаю, кто взял медальон. Я порядочный человек и никогда не украла бы такую ценность у господина Хрона... Джулия, прошу! – неслось мне в спину. – Передайте господину Хрону, что меня подставили! Я не брала. Ничего не брала.

Лже-Фелисити крайне талантливо размазывала слезы по щекам и билась в придуманной истерике.

– Вперед, – ворчали те, – нам еще определять тебя в камеру.

– Нет, нет! Я невиновна! Я порядочный человек!

Очень хотелось развернуться и сказать, что порядочные люди не рвут тайком страницы в новых книгах, но адреналин крайне вовремя обездвижил язык и велел мотать из этого царства взяточничества и беззакония.

И я поковыляла прочь.

Что там говорила моя новая знакомая? Каблук сделает твою походку мягче, медленнее, изменит силуэт фигуры?

Ну-ну!

Я одолела всего пару метров и... Так уж вышло, что именно сегодня природная ловкость взяла единственный отгул, чтобы смотаться и провести престарелую родственницу. И вместо нее на смену заступил талант оступаться на ровном месте.

На очередном шаге споткнулась и проскакала на одной ноге грациозной ласточкой, в надежде избежать позора, но запуталась в подоле алого безобразия, в которое меня обрядили, и с громким яростным «твою мать!» рухнула, как подкошенная.

Тишина, долгая, как годы, повисла над моментом.

Я таращилась в серую плитку на полу, чувствуя, как в эту же секунду Джулия взглядом выжигала на моей спине «кривая бестолочь».

– Всемиловитые Предки, – ко мне подскочил тот самый сержантик, что вел допрос. – Вы в порядке?

Вот только его-то для счастья и не хватало!

Промычав нечто невразумительное, я попыталась вос-

стать, не потеряв при этом достоинства. В результате потеряла часть содержимого сумочки.

– Блин! – выпалила я, прижимая ту к боку, но положение не спасла.

С громким шлепком на пол вывалилась косметичка и длинная-длинная лента маленьких квадратиков популярного средства контрацепции.

Ну, знаете, клубничный запах, ребристая поверхность, все дела.

Как говорится, если провал, то только эпичный.

– Ой... – смущенно пискнула я и резко присела.

Сержантик повторил маневр. Наши руки одновременно схватили концы того самого, а лбы радостно поприветствовали друг друга.

– Уууфф! – выразили мы удивительное единодушие и схватились за ушибленные головы, но заветной ленты для безопасных утех никто не выпустил.

Секунду мы смущенно таращились друг на друга, а после сержантик потянул ленту на себя.

– Я вынужден вас арестовать.

– За что?! – возмутилась я, от избытка чувств дернув свой конец.

– Вы украли мое сердце, – заявил страж. Лента вновь оказалась на его стороне.

– Уверены, что оно у вас было? – проскрипела я, продолжая потеху по перетягиванию каната.

– В таком случае предлагаю уединиться в допросной номер семь, дабы мы оба смогли постичь квинтэссенцию моих переживаний и протестировать парочку ваших квадратики.

Мужчины, запоминайте! Некоторые слова провоцируют даже слабую девушку на удар в причинное место и контрольный в голову. Даже лента не выдержала и лопнула по шву на две части.

Соперник качнулся и осел на пол, а я вскочила на каблуки, точно сердитая ведьма на метлу.

– Ну, знаете ли...

Я опасно покачнулась, воинственно взмахнула зажатой в руке лентой удовольствия и таки выбежала из участка. Точно городская фурия промчалась по пасмурной улице, вспомнила о Габриэле и побежала в обратную сторону.

Бежала быстро.

Так быстро, что едва не пролетела мимо переминающегося за углом мужчины. Если бы тот не перехватил за талию и не придержал, очнулась бы от возмущения еще не скоро. Возможно, в противоположной части города.

– Как все прошло? – спросил мужчина, узрел в моей сжатой ладони честно отвоеванный хвостик ленты и усмехнулся. – Как непростительно мало, оказывается, я знаю о пропускной системе... Идёмте, Фелисити, ваш дедушка ждет.

В это же время Мастер Масок прошел мимо черного хода картинной галереи, а на переполненный и оживленный перрон сошла женщина с внешность ангела, душой дьявола и,

может быть, самым длинным шлейфом из тайн.

Глава пятая. Облака в кетчупе

– Напомни, почему я вообще согласилась? – пробубнила я, скорбно глядя на высоченное здание театра.

После вчерашнего стресса в участке, загадочных намеков Габриэля и многочасового разговора с дедушкой я не спала всю ночь. Ворочалась с боку на бок, бесконечное число раз комкала подушку, но уgomониться и отрубиться так и не смогла.

Едва за окном подал первые признаки жизни рассвет, вскочила и начала имитировать бурную деятельность. Сварила кофе, спалила до ароматной черной корочки омлет, поразила деда высокохудожественным умением колотить тарелки и проводила его на вокзал.

– Поклянись, что не станешь вмешиваться в это дело, Лисенок, – потребовал Дрогород Алинар, замирая возле входа в общий вагон.

– Дед, просто скажи, что происходит – я взрослая девочка, я все пойму, – попыталась настоять я и с такой отчаянной силой вцепилась в его морщинистую руку, будто мы застыли на краю пропасти, и один из нас уже летел в бездну.

– Ты взрослая и ты все поймешь, – согласно улыбнулся дед и ласково погладил меня по щеке. – Вот только я не готов рисковать твоей свободой и жизнью.

– А своей, значит, готов? – возмутилась я.

– Лисичка, – добродушно усмехнулся дед, – я пожил достаточно, чтобы заполучить седину, артрит и такую непростительную роскошь, как храбрость и отвага. К тому же я рассказал тебе достаточно, пусть в общих чертах, но размах ты понимаешь.

– Да, но что ты будешь делать в столице? Как твоя поездка поможет отстоять улицу Великих Домов? Не проще ли остаться, нанять толкового адвоката и...

– Дай старику оторваться и навести шороху среди столичных казнокрадов!

Я кисло улыбнулась, но развивать тему не стала.

А смысл? Если уж господин Алинар вбил себе в голову какую-то бредовую идею, то его упрямству позавидуют даже послушники культа «Твердолобые».

Да что там! Сам отец-настоятель придет за автографом.

Проводив деда печальным взглядом, я послонялась по серому от непогоды городу и решительно двинулась в западную часть к Каю, своему единственному другу.

Это был просчет номер один.

Сколько себя помню, громкое и многочисленное семейство Вьеров никогда не жило спокойно. Они вообще, по ходу, не были знакомы с этим словом.

– Убью! – рычал на всю улицу глава семейства.

Его лицо приобрело багровый оттенок, а гибкий хвост с черной кисточкой на конце яростно хлестал воздух.

– Отец, не смей! – заламывала руки растрепанная Марта,

старшая сестра моего приятеля.

Сегодня Вьеры давали шумное представление на балконе третьего этажа, с перил свисал кусок простыни.

— Подлюка такая, кровиночку мою попортить вздумал, — причитала госпожа Вьер, наблюдая представление снизу, из первых рядов собравшихся зевак, к которым периодически и обращалась. — Люди добрые, это что же такое творится? Без свадьбы и выкупа... Под шумок сразу в постель поволок!

«Люди добрые» с наслаждением следили за разворачивающейся среди белого дня трагикомедией и делали ставки: «упадет али просто кастрируют».

Сам «подлюка» притягивал взгляды прохожих обтянутым красными труселями задом, сучил волосатыми конечностями и судорожно цеплялся за конец импровизированной веревки.

Веревку связали из простыни и «чтоподрукупопало».

Видать, пылкие влюбленные так перепугались внезапно нагрянувших с проверкой родственников, что в мозгах обоих что-то перещелкнуло и помутнело. Зачем еще связывать в одну ленту простыню, штаны, рубашку и гигантского плюшевого медведя?

И ладно бы, косолапый болтался внизу этой лестницы для побега, так сказать, играя роль якоря, но нет...

Игрушечный монстр оказался в середине цепочки и эту самую цепочку беспощадно разорвал, заставив незадачливого воздыхателя голо — простите, гордо — реять в районе вто-

рого этажа.

С боевым кличем: «Ах ты, окаянный!» на нижний балкон выскочила вооруженная веником бабушка и принялась охаживать любителя хорошеньких девушек. Тот горько взвыл и, кажется, мысленно дал себе зарок больше ни-ни! В смысле, никогда не линять от подружек через балкон.

– Бабушка, не надо! – взвизгнула перепуганная Марта, перегибаясь через перила.

– Ха-ха! – гремел на всю улицу отцовский бас.

– Врежь ему! – скандировали зеваки.

– Пирожки! Горячие пирожки, – подключился невесть откуда вылезший зазывала. – С повидлом, с рисом, с мясом...

– Бежим! – скомандовал выскочивший из подъезда Кай, хватая меня за руку.

И мы рванули прочь.

К слову, это оказался промах номер два.

– Куда бежим? – деловито уточнила я, точно послушный прицеп, заворачивая за угол.

– Увидишь! – весело крикнул Кай.

Что-то в его интонации уже тогда подсказало здравому смыслу, что вот конкретно меня конечный пункт нашего путешествия в восторг не приведет. И ведь оказалось правым на все сто!

Но это что-то (допустим, интуиция) было оглушено мониторингом и присыпано мусором в соседней подворотне, едва приятель вытащил из кармана сумки большую термокружку

кофе с корицей и отдал мне.

— На вот, взбодрись.

— Кай, ты святой! — радостно пискнула я.

Впрочем, как только мы дошли и намертво застряли в очереди, желающей пропихнуть свои тела в жаркое театральное нутро, Кай был лишен нимба и задвинут в черный пантеон мелких пакостников.

— Напомни, почему я вообще согласилась?

— Потому что я чертовски обаятелен и убедителен, — сверкнул белозубой улыбкой друг.

И ведь не поспоришь.

Просто Кай... Кай относился к той редкой категории людей, которые притягивают к себе. Сложно сказать, что конкретно в них привлекало. Улыбка? Харизма? Манера говорить? Но ты всякий раз был дико рад видеть такого человека.

Магия?

Однозначно!

Наша с Каем дружба началась со школьной скамьи. Буквально.

Кай Вьер родился в семье, где уже орали, хныкали и таскали друг друга за космы и хвосты восемь его старших сестер, и вырос невероятно деятельным и общительным юношей с ярко-зелеными глазами.

Ах да, еще Кай был ракшасом.

Лет пять назад, еще до того, как общество внезапно пересмотрело свое отношение к этой расе, гибкий черный хвост

и острые ушки приятеля вызывали только издевки, тычки и драки.

В тот памятный для нашей дружбы вечер какие-то отморозки примотали хилого одноклассника к скамейке клейкой лентой. И куковать бы Каю до прихода сторожей, но тут на помощь подоспела зачитавшаяся после занятий Фелисити Локвуд.

Вооружённая гневом и маникюрными ножничками, я отодрала ракшаса от лавки и еще громко оплакивала кисточку на хвосте, облитую зелёнкой.

Вы, кстати, в курсе, что ракшасы крайне ревностно относятся к своим хвостам и крайне пакостно мстят неприятелям? Так вот, я вам ничего не говорила.

– «Облака в кетчупе»? – прочитала я название на афише и повернулась к приятелю. – Чего нужно хлебнуть, чтобы наречь спектакль про драконов подобным образом?!

– Да что ты понимаешь в постановках! – делано возмутился Кай.

– А ты?

У приятеля был заготовлен какой-то высокопарный ответ, который он просто не успел озвучить. Дородная дама в чем-то, напоминающем плащ-палатку, с негодующим бульканьем повалилась на хилого ракшаса.

– Простите, – пролепетала театралка неожиданно писклявым голоском, – меня кто-то толкнул.

И я даже видела, кто: через толпу с уверенностью ледоко-

ла шел мужчина в пальто и шляпе, оставляя после себя приглушенный запах парфюма и зарождающегося скандала.

– Нет, я так не играю! – буркнул Кай, тоже углядев наглеца, и обвил мою талию хвостом.

Без подтекста, не переживайте. Это вообще был тактический ход, чтобы не потерять меня в толкучке, потому что дальше ракшас двинулся на прорыв.

– Простите, я только спросить, остались ли в кассе билеты!.. – без разбора врал Кай, пробираясь через столпотворение на входе. – Пропустите, девушке стало плохо... Большая просьба разойтись и пропустить актера...

Проклинаемые в спину, мы с трудом протолкались среди театралов, скинули верхние вещи – куртку и плащ – и приготовились ко второму раунду битвы, потому что – что? Потому что если весь мир театр, то все стоят и громко матерятся в очереди в гардеробную!

Точнее, морально приготовилась к подвигу я одна. Кай чихать хотел на приличия и правила.

Решительно выхватив у меня плащ, ракшас шустро метнулся в самую гущу. Бытовало мнение, что нет никого более целеустремленного, чем вампир в поисках крови. Но я так скажу: «Ребята, вы просто не встречали Кая!»

Через пару минут довольный ракшас деловито вручил мне заветный номерок и только тут понял, что видит меня без плащика.

– Лисичка, у меня к тебе два вопроса. Один ещё ничего,

а второй так вообще дурацкий. Зачем ты таскаешь в сумке кактус?

– Без комментариев.

– Ладно, тогда самое время для дурацкого вопроса, – ракшас склонился к моему уху и заговорщическим шепотом, с придыханием и паузами начал:

– Не хочу ставить тебя в неловкое положение, но... Фелисити, на тебе платье, и оно... как бы потактичнее...

– Не подбирай слова, оно ужасно, – сжалилась я.

Ночевать пришлось у деда на диване в гостиной, сменной одежды для меня там не водилось уже больше двух лет, поэтому утром я натянула алое безобразие, в котором сбегала из городского участка под видом Джулии Белл, поверенной обворованного богача.

– Что ты! Платье-то как раз улет, – воскликнул ракшас и продолжил мысль, – просто ты в нем ужасна.

– О, спасибо, дружище, – скривилась я. – Твой комплимент сделал этот незабываемый день еще более ярким.

– Обращайся, – просиял этот душка с хвостиком, подставляя локоть, – я всегда готов поддержать лучшего друга!

Мы двинулись в сторону зрительного зала. В толпе я заметила того самого чудака в шляпе – точнее, уловила запах его одеколона. Даже головой завертела, высматривая приметную шляпу, но не преуспела. Скорее всего, театрал с ужасными манерами уже разделся и слился с пестрой толпой.

Никогда не понимала, для чего так наряжаться ради обыч-

ного похода в публичное место, пусть даже и театр.

Нет, выгулять платье или сверкнуть декольте среди зимы – это одно. Но бархатное платье, трехуровневая прическа и тяжелый гарнитур, доставшийся по наследству, – совсем другое.

Рука Кая легла поверх моей, цепляющейся за его локоть, возвращая мое внимание к своей персоне.

– А теперь ты скажешь, что у тебя стряслось? И учти: промямлишь что-то в духе «ничего страшного, Кай, не обращай внимания на мои мешки под глазами», и я отправлю тебя на курсы переподготовки лучших друзей.

– Ладно, – пожала я плечами, – ты сам нарвался на откровения... Кай, ты же в курсе, что Звездная Элита перестроила улицу Великих Домов в столице? Так вот, кто-то из нашей верхушки решил повторить сей славный подвиг: снести и заново отстроить всю улицу. Всем жильцам и владельцам лавочек пришлось уведомление о реконструкции и выселении.

– Выселяли, естественно, на какой-то пустырь вне городской черты? – мигом сориентировался в проблеме Кай.

– Естественно, – кивнула. – Мой дед подбил жителей написать коллективную жалобу и оспорить решение властей. И даже выиграл предварительное слушание, из-за чего местным шишкам пришлось отложить проект на пару месяцев до окончательного решения суда. И вот тогда-то они подставили меня...

И я коротко пересказала Каю о краже медальона, Габри-

эле и своем позоре в участке. Приятель слушал и все больше хмурился, но под конец моего монолога его лицо вновь просветлело.

– Так это же хорошо!

– Не вижу причин для радости, – честно отозвалась я, нервно оглядываясь по сторонам.

Судя по телодвижениям заядлых театралов, представление начнется с минуты на минуту, а мы с Каем все еще торчим перед входом в зал. Вон, даже контролер на входе подозрительно коситься стал.

– А я вижу целых два: с тобой случилось настоящее приключение, от которого никто не пострадал, даже твоя девственность, а кроме того... впереди тебя ждут два замечательных часа спектакля «Облака в кетчупе».

Предки, как можно быть таким оптимистом?

– А почему здесь так сильно пахнет стариками? – шепотом полюбопытствовала я, присаживаясь на свое место.

На меня с возмущением оглянулись обитатели соседних кресел и зрители с передних рядов. Кай вымученно улыбнулся и дернул меня за рукав алого платья.

– Так, Лисичка, запоминай основные правила театра, – менторским тоном начал он. – Правило первое: зрители поддерживают глубокую, прочувствованную моментом тишину. Временами выстраданную, но не суть... Правило второе: зевать в театре неприлично. Если очень приспичит, то прикройся либретто.

– Либретто? – нахмурилась я.

– Это программка, бестолочь, – со вздохом пояснил учитель, кидая на мои колени книжицу с изображением купающегося в кетчупе небесного дракона. – Третье: все комментарии копи в себе до антракта или окончания спектакля. Правило четвертое: не сорить, не кричать, конфеты не жрать...

Я, уже запустившая было руку в карман за спрятанным там леденцом, приосанилась и возмущенно выпалила:

– За кого ты меня принимаешь, Кай? Я взрослая девушка с глубоким внутренним миром. И в состоянии просидеть до конца спектакля, не впадая при этом в летаргический сон. Без неуместных комментариев и сладкого чавканья конфетами!

Кай хмыкнул, одновременно с этим зрительный зал погрузился в томный полумрак, а на сцене началось первое шевеление. Я проследила за полетом небесного дракона из картона и палок скептическим взглядом и широко зевнула. Раз... Другой...

И уже через пятнадцать минут представления «взрослая девушка с глубоким внутренним миром» беззаботно спала на плече друга.

Глава шестая. Мастер Масок

Со слов Кая, который стал очевидцем очередного конфуза от неповторимой Фелисити Локвуд, я тихо-мирно продрых-ла всю первую часть представления.

Актеры носились среди декораций и с помощью возвышенных реплик, странных танцев и чудовищной пантомимы рассказывали зрителям историю зарождения чувств парочки влюбленных. Юную принцессу играла сорокалетняя тетка уже с характерной для возраста хрипотцой, а мальчик-красавчик, выбранный на роль главного героя, картавил и постоянно спотыкался о бутафорскую шпагу, прикрепленную на пояс.

Будем считать, что ничего особо ценного я не упустила.

Но во время второй части, где картонный дракон изволил похищать сорокалетнюю принцессу, я вдруг резко вскочила и заорала на весь зал:

– Город засыпает, просыпается мафия!!!

Но это все со слов Кая, потому что я такого не помню. А раз не помню, значит, не было!

Не было, и точка.

Кто голосил, как сумасшедшая? Я голосила, как сумасшедшая?

Нет-нет, вы что-то путаете. Я так... всего-то тихохонько вскрикнула. Кто ж знал, что в зале такая чудесная акустика,

а у зрителей тонкий слух?

Что говорите? Трубач поперхнулся от неожиданности и чуть кони не двинул прям тут же? Так это не я. Это все нервы!

Главный герой слова забыл? А ко мне-то какие претензии? Репетировать больше надо! На худой конец, пнуть суффлера: чего это он там прохлаждается.

Кто подорвался со своего места, как ужаленная?

Попрошу не подтасовывать факты. Я никуда не вскакивала!

Всего лишь осторожно встала, чтобы прогуляться до буфета. Знаете ли, ТАК сильно приспичило помянуть несчастного дракона, который сдуру утащил сорокалетнюю молодку в гнездо, что не дотерпела до антракта.

Почему еще минуту стояла в проходе под осуждающими взглядами общественности? Ждала – может, кому тоже приспичило в буфет сгонять, в компании же всяк веселее, правда?

Кто сбил контролера при попытке бегства? Я сбила контролера при попытке бегства?!

Побойтесь Предков, во мне сорок килограммов веса! Какое там «сбила»? Он сам зацепился за мою ногу и рухнул в проход между креслами.

Вот как-то так.

В себя пришла уже на балконе, опоясывающем величественное фойе. Руки тряслись, дыхание сбилось, сердце ба-

рабанило о ребра. Дикий стыд жег изнутри похлеще того злосчастного глотка бормотухи, что я случайно выпила на празднике у хвостатых ракшасов.

Все, Фелисити, ты бесповоротно и окончательно завязала с театром.

И сном в общественном месте.

И с внуками старухи Джонсон!!!

– Будьте трижды неладны эти теории о похищении принцесс! – тихонько выпалила я и со всей дури (а было той немало) стукнула кулаком о перила.

Перила были мраморными (в отличие от конечности), поэтому не пострадали (чего нельзя сказать о моей бедной руке).

– Да твою ж!!! – взревела я.

Прижалась спиной к колонне, мягко съехала вниз и уткнулась лбом в колени, чтобы уже через секунду услышать от какого-то самоубийцы сакральное:

– Девушка, с вами все в порядке? Вам плохо? – добрый самаритянин присел рядом на корточки.

Нет, блин, мне чудесно, так чудесно, что хочется рычать и бросаться на любого, кто будет задавать тупые вопросы!

Я резко подняла растрепанную голову: любимый пучок ослаб и съехал набок, половина прядей упала на лицо. Готова поклясться, что последнее было цвета красных труселей горе-любовника Марты Вьер, то есть цвета позора.

Я взглянула в глаза Мастера Масок.

Я потерялась.

– Лицо... Ваше лицо... – выдохнула полушепотом.

– И какое же у меня лицо? – незнакомец посмотрел так, как смотрит сова на неосторожную мышку.

Я жадно вглядывалась в неповторимые черты, которые словно ускользали от памяти, мысленно взывала к дару красноречия, но, как назло, в голову не шло ничего адекватного.

Ну не говорить же: «Ой, знаете, у вас такая серая и типичная внешность. Пройду мимо и сразу забуду!»

– Лицо невероятного актера? – решила в итоге польстить.

Он глянул на меня как ученый, узревший в чашке Петри колонию фей, и протянул руку.

– Идем. Хочу купить тебе напиток.

Вот так и вышло, что Мастер Масок увидел во мне то, чего там отродясь не водилось: наблюдательность и талант «взламывать» людей. Это ли не доказательство того, что иной раз даже самые гениальные умы желают быть облапошенными?

Обычно я платила за себя сама, даже если гуляла с Каем.

А еще у меня не было привычки соглашаться на сомнительные предложения «купить напиток» (кто вообще так говорит?), поступающие от малознакомых парней.

С другой стороны, обычно я не выставляла себя круглой душой перед полным залом театралов, музыкантами, актерами и лучшим другом, поэтому восприняла фразу как благовидный предлог для немедленного бегства из обители богини трагедии.

С риском сломать каблуки или эпично навернуться, я с такой прытью сбежала по лестнице, что в процессе едва не потеряла своего спутника. Благо тот не воспользовался выпавшей возможностью дать деру и благополучно нагнал меня уже на первом этаже, где раскинула свои владения гардеробная.

Как там говорят? Театр начинается с вешалки?

Ничего подобного!

Театр начинает с недовольной женщины в синем рабочем халате.

Под суровым взглядом Владычицы номерков и вешалок я почувствовала себя здоровенным куском мяса, из которого планировали сделать парочку отбивных для ужина.

Жуть, а не взгляд.

– Воот... – с заискивающей улыбочкой протянула я номерок, морально готовая в случае чего падать на четвереньки и прятаться под стойкой.

Но гардеробщица не стала швырять в меня острыми тяжелыми предметами. Обошлась упреками.

– Ходят, ходят! Чего, спрашивается, билеты покупали, если и половину представления посидеть не могут? Никакого уважения к актерам, искусству и работникам театра. Только присядешь – идут... То ключи в кармане оставили, то помаду, то еще чего! В следующий раз без петельки не приму! – швыряя пальто, предостерегла тетка в синем халате.

Очень хотелось заверить хмурую даму, что с театральны-

ми постановками я завязала. И вообще больше ног моей здесь не будет, но напоролась на еще один сердитый взгляд и растеряла красноречие.

– Как насчет того, чтобы прогуляться по скверу? Тут за углом есть чудесная маленькая кофейня, – предложила своему спутнику, уже выскакивая через огромные двери и на ходу поправляя сумку с кактусом. – Кстати, я – Фелисити.

– Тони, – скупно улыбнулся тот, выходя следом. Если нового знакомого и смутил тот факт, что инициатива ускользнула из его пальцев, то виду он не подал. Впрочем, на кактус тоже отреагировал здраво.

Не парень, а настоящее сокровище!

– Приятно познакомиться, – дежурно выпалила я и еще разок пригляделась к спутнику.

Все в нём подчинялось двум словам: «несколько» и «довольно-таки». Несколько сутулый, довольно-таки симпатичный. Несколько старше меня, с довольно-таки дружелюбной улыбкой. Несколько простоват, довольно-таки высок.

Единственное, что в Тони было стопроцентным, – он шел рядом и намеревался угостить меня напитком. Свято верю, что не ядом.

– Тебе не особенно понравилось представление? – спросил Тони, забирая наши напитки с прилавка. Воду для себя, большую кружку черного кофе с капелькой карамельного сиропа мне.

– Да как-то не заладилось у меня с высоким искусством, –

созналась я, делая первый осторожный глоток и вспоминая побег горе-любовника Марты. – Жизнь порой устраивает такие фееричные зрелища, что никакая постановка не сравнится.

Облака старыми одеялами затянули небо, но хотя бы перестало моросить. Мы прошли до конца дорожки, с трудом нашли сухую скамейку под небольшим навесом и присели.

– Забавно, что ты начала эту тему, – прихлебывая минералку, заметил Тони. – Видишь ли, вчера некто стянул у господина Хрона крайне ценную вещь, а точнее, медальон. Очевидцы видели рыжую девушку. Ее вскоре задержала городская стража. Задержанная, вот так совпадение, представилась именем Фелисити Локвуд.

Я едва напитком не подавилась.

О, всемилостивые Предки! Только не это. Только не разоблачение!

– И вот что интересно, – продолжил, как ни в чем не бывало, собеседник, игнорируя мои вытаращенные от шока глаза, – через полчаса после задержания участок покинула брюнетка в алом платье...

Ну все, Фелисити. Тебе хана!

– ...а спустя десять минут близкий родственник Фелисити Локвуд уверил стражей, что задержанная ими девушка не является его внучкой.

Может, выплеснуть горячий кофе ему на штаны и дать деру? Или оглушить кактусом по голове и дать деру? Или про-

ще сразу дать деру без членовредительства?

– ...и ночью преступница исчезает из участка, точно ее никогда и не ловили.

Мда, без рукоприкладства и мокрых штанов не обойтись.

Интересно, а он один пришел на встречу или в кустах меня поджидают еще с десяток оперативников в засаде?

– Фелисити, ты вообще в курсе, что Евангелие от злодеев состоит всего лишь из одной фразы? – огорошил Тони, медленно повернулся и процитировал. – Одной гребаной фразы: «Сделай все, чтобы никто не смог доказать твою причастность». А ты что?

– А что я? – даже слегка опешила от его тона.

– А ты приперлась в общественное место в том же самом платье, в котором сбегала вчера из участка, – Тони покачал головой, демонстрируя крайнюю степень разочарования в моем здравомыслии. – Зла на тебя не хватает!

И именно в этот крайне неподходящий момент нашу парочку спалили.

– Фелисити Локвуд! – прогремело над сквером как гром.

Меча взглядом молнии, в нашу сторону шел взбешенный Кай. Его хвост молотил воздух с такой силой, словно вознамерился сбить его в масло, кулаки крепко сжаты, а на лице маска такого неприкрытого негодования, что страшно стало.

Так страшно, что едва подавила желание перепрыгнуть через спинку скамейки и с воплем ужаса метнуться в бурелом.

– Кай, меня позвали прогуляться, – сказала я с интонацией «друг, свали в туман».

Зря старалась, потому что есть на свете друзья, способные сразу ловить намеки, а есть Кай Вьер, которому не вобьешь очевидное в башку даже кувалдой.

– Супер! Я с вами, – продемонстрировал ровный белоснежный ряд зубов ракшас с интонацией «хрен ты куда пойдешь с этим типом».

– А как же представление? Ты ведь так хотел познать прекрасное? – язвительно напомнила ему.

– Думаю, что мой внутренний мир успешно переживет без обливающегося в экстазе кетчупом дракона.

И Кай с непосредственностью ракшаса шлепнулся в узкий просвет между мной и Тони. Еще и фыркнул возмущенно:

– Фелисити, ну же, двигай мягкое место, чего развалилась? – а в следующую секунду повернулся к соседу, полностью закрыв для меня обзор на Тони своей спиной. – Привет, друг. Смотрел вчерашнюю игру? «Земляничные берсеркеры» были просто в ударе!

И словно мне было мало, на дорожке сквера нарисовалась массивная фигура Габриэля. Этот, к счастью, не орал.

– Фелисити? – удивился он, приглядываясь к нашему сборищу на лавке.

Бутылка с минералкой в руках Тони издала какой-то подозрительный звук, будто кого-то собрались придушить, но перепутали шею. Кай при виде высокого незнакомого муж-

чины тоже впал в неадекватность: собственнически обвинил мою талию хвостом и решительно придвинул к своему боку.

Я выдавила милую улыбочку, про себя шепча как мантру: «Шли бы вы, Габриэль, мимо. Мимо – это вон туда по дорожке и за угол!»

Но мантра никогда не срабатывала. Не сработала и сегодня.

– Добрый день, Фелисити, – вкрадчивым тоном поздоровался приблизившийся мужчина и косо глянул на соперников.

Соперников? Мне подумалось – «соперников»? Да с чего бы это?!

– Привет, – симитировала я радушие, что было крайне проблематично. – А мы тут сбежали с представления ради свежего воздуха.

– Фелисити вообще нравится сбегать из городских учреждений, – бросил Тони с намеком на тяжелые обстоятельства.

– От меня не сбежит, – пошутил Кай.

Каким-то странным тоном пошутил. Чересчур серьезным для глупой шутки.

– Верю, что от меня тоже, – улыбнулся Габриэль и сосредоточил на мне коварный взгляд черных глаз. – Поужинаем сегодня?

Я вам клянусь, если бы с неба обрушился ливень из разноцветных котов, я удивилась бы меньше. Просто намеки на-

меками, но ужин – это почти свидание. Хотя какой там «почти»? Ужин – это настоящее свидание!

И это, конечно, здорово! Нет, в первую очередь это дико волнительно, но и здорово тоже. Однако почему у меня такое ощущение, что я уже в отношениях?

– Фелисити Локвуд! – взвизгнул кто-то на весь сквер.

Предки, и с чего я такая популярная сегодня?

Мужчины дружно развернули головы, ловя в фокус очередного конкурента. Кай расслабленно улыбнулся, Тони озабоченно нахмурился, Габриэль остался безмятежен, аки поверхность озера высоко в горах.

А вот мне окончательно поплохело.

Эффектно ступая по мокрой дорожке, к лавочке приближалась красавица-брюнетка с роскошными локонами, свежим румянцем и гонором высотой с водонапорную башню.

– Фелисити, где ты шляешься вторые сутки? – обрушились на меня без всяких там прозаичных «привет, как дела?». – Предки! Что за безвкусная тряпка на тебе? Какую падшую женщину тебе пришлось убить ради этого алого убожества?!

Итак... Знакомьтесь с Каролиной Локвуд, моей сестрой и жуткой стервой.

– Здравствуй, сестренка, – убитым тоном поздоровалась я.

Потому что если Кай просто не понимал намеков, то моя дорогая сестричка игнорировала их начисто. Даже если на-

меки были трижды обернуты вокруг свинцовой трубы, которой я выразительно помахала в воздухе.

– Идем, гулена. Мать вне себя, – в приказном порядке заявила Каролина.

– С чего вдруг? – удивилась я, скидывая хвост Кая и поднимаясь.

Просто вчера я связалась с мамой и предупредила, что переночую у деда в книжном магазине, а с утра поеду его провозжать, и единственная родительница сказала, что не против. Благодаря работе Габриэля и Джулии Белл все обвинения официально с меня сняли.

Так что же тогда стряслось?

– Это из-за твоего деда, – Каролина стрельнула глазками в сторону Габриэля. – С мамой связались его знакомые, которые должны были встретить Алинара с поезда. Говорят, что он пропал по дороге.

Пропал?

Да как можно пропасть из движущегося без остановок поезда?

Глава седьмая.

Экскурсия по городу

«...отказано согласно пункту 3.68 (подпункт 9/7) кадастровой карты города и решению публичного слушания по вопросу благоустройства и застройки...» – бубня себе под нос, я листала распечатку и все больше уверялась в мысли, что данный пункт был выдуман некими почитателями взяток.

Официантка бродила между столиками и с улыбкой предлагала подлить кофе или забрать тарелки. Мне она предложила только косой взгляд.

Будь я на ее месте, тоже вряд ли обрадовалась бы странной девице, которая притащилась к открытию кафешки, обложила книгами по юриспруденции и заказала три стакана воды.

Но я была на месте той самой девицы, что выглядывала из-за книжной баррикады и кидала в сторону счастливых посетителей, заказывающих кофе и вкусняшку, завистливые взгляды.

После памятной встречи в сквере прошла почти неделя. Неделя, в течение которой я пыталась найти деда или цепку, где он может быть.

Так как его столичные друзья ничего путного не знали, пришлось взять расследование в свои руки. И начала я со

взлома книжного магазина.

Хотя это и взломом-то не назовешь: дед знал, что я еще пару лет назад сделала себе запасной ключ на случай непредвиденных обстоятельств, но те все никак не хотели наступать, поэтому ключ все это время просто оттягивал связку.

Перерыв все бумаги на жилом этаже, я наткнулась на извещения о выселении, достала из мусорной корзины перечеркнутые черновики заявления о коллективной жалобе, нарыла черную папку с планом улицы Великих Домов и парочку копий с официального уведомления.

Дедушка в общих чертах рассказал мне о том, как возглавил народное ополчение против администрации города, вознамерившейся заняться реконструкцией улицы Великих Домов. О том, как они подали коллективную жалобу. О том, как почти выиграли судебное слушание. О том, что он не теряет надежды и припрятал пару козырей в рукаве.

Но не о том, что дед намерен делать дальше, и зачем ему потребовалось ехать в столицу.

И теперь он пропал, а вместе с ним пропала и решимость жителей улицы Великих Домов.

– А что мы можем, Фелисити? – разводил руками господин Плюх, державший на нашей улице лавку по пошиву одежды. – У меня семья, внуки в школу идут, дочка, может, к следующему году свадьбу надумает играть. Я должен позаботиться о своем благополучии, а не играть в борца за права! Вот если бы твой дед не пропал...

Собственно, слова «вот если бы твой дед...» считались фразой-выручалочкой, которой заканчивался любой диалог с обитателями улицы Великих домов.

Нет, сперва они, конечно, возмущались. Громко и продолжительно. Кто по отдельности, кто в большой компании. Загибали пальцы, подсчитывая, сколько теряют в связи с этой дурацкой реконструкцией и выселением. Ругали власть, допустившую этот беспредел, а после...

После неизменно складывали с себя ответственность за борьбу и поминали деда.

«Вот если бы твой дед...»

Вот если бы я смогла с ним связаться, то не дергалась бы так сильно. Оптимизм оптимизмом, но люди, не погнушавшиеся подставить меня, чтобы иметь рычаг давления на деда, взявшего на себя роль борца за улицу, способны на многое. На много отвратительных поступков.

Всемилолюбивые Предки! Я очень рассчитываю, что с дедом все в порядке. Пусть с ним будет все в порядке!

Мозг кипел и отказывался работать. Желудок настойчиво ныл на одной голодной ноте. Здравый смысл подсказывал, что зря я выбрала кондитерскую, где постоянно сновали посетители, галдели дети и взрывались от хохота компании моих сверстников. Но что поделать, если из дома меня выгнали презрительные шпильки.

И ладно бы, там были только подколы от сестры.

В конце концов, за свою короткую жизнь я успела скопить

парочку миллионов. Парочку миллионов претензий от Каролины Локвуд. И приобрела какой-никакой, но иммунитет.

Однако впервые на моей памяти ворчать начала мать.

Дело было накануне вечером, делать было нечего. Поправочка: ей было нечего делать.

Каролина сбежала на свидание, а я засела в комнате, обложила книгами и не теряла присутствия духа вкупе с верой в свои возможности расшифровать птичий язык крючковаторов, отказавших в коллективном обращении.

И мне бы вспомнить: неприкаянный родитель сразу начинает терзаться муками совести, посыпать пеплом голову и донимать детей воспитательным процессом, чтобы успеть вовремя подсунуть любовный роман или подсуетиться с просьбой связать ему шарф, но увы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.